

БРОШЕННЫЕ

РОМАН О ЖИЗНИ ПОСЛЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

ЮРИЙ ЗОРКИЙ

Юрий Зоркий

Брошенные

«Автор»
2026

Зоркий Ю.

Брошенные / Ю. Зоркий — «Автор», 2026

В 2026 году военный лётчик Андрей Волков видит список пассажиров секретного рейса. Министры, генералы, их семьи — все, кто готовится улететь на Луну. Простых людей в нём нет. Фамилия Андрея там тоже была. Но кто-то её вычеркнул.До удара остаётся четыре года. Андрей возвращается на Кубань, в станицу Ляпинск. Под старым колхозом его дед когда-то построил убежище, и теперь в него предстоит спустить десять тысяч человек. Тех, кого не взяли.Двадцать лет спустя те, кто бросил свой народ, возвращаются с Луны. Их встречает поле, полное молчащих людей.Пусть увидят: они нас бросили. А мы своих — нет.«Брошенные» — роман о ядерной зиме, о предательстве и о простых людях, которые остались людьми.

© Зоркий Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Брошенные 6
Пролог 7
Часть I. Исход 9
Глава 1. Обычный рейс 9
Глава 2. Баня на хуторе 13
Глава 3. Человек из тёмной машины 16
Глава 4. Ляпинск 20
Глава 5. Тётя Света 26
Глава 6. Камышинск 30
Глава 7. Ольга 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Юрий Зоркий
Брошенные

Юрий Зоркий

Брошенные

Роман
Своих не бросаем.

Пролог

Когда высокие сядут считать, кому жить,

и впишут себя, а нас оставят в пыли,

когда над степью встанет второе солнце

и небо закроет глаза на долгие зимы, —
не жди их назад. Не моли о спасенье.

Спускайся в землю и бери с собой всех.

Дели хлеб на крошки, а свет — на часы.

Кто не бросит своих во тьме, тот и выйдет к весне.
А когда они вернутся с холодной Луны

и встанут на трап — бледные, как мука, —

не поднимай руки. Посмотри им в глаза.

Пусть увидят: они нас бросили. А мы своих — нет.

Эти строки Андрей помнил с десяти лет. Дед Иван написал их карандашом на тетрадном листке, сложил вчетверо и сунул внуку в карман за неделю до смерти. Сказал только: «Вырастешь — поймёшь». Андрей вырос. А понял почти через тридцать лет, в тёмной кабине самолёта, над чужим списком фамилий.

Сейчас он повторял их про себя. Слово в слово.

Кубань. 2050 год.

Утреннее солнце стояло над полем низко и било в глаза. Андрей Волков стоял в центре поля, у старого стола, и смотрел вверх. Шестьдесят два года, седая борода, кубанка с красным верхом — та самая, дедова. За верёвкой вдоль межи молчали тысячи людей. Чуть поодаль, особняком, стояли бывшие враги — те, с кем когда-то делили кровь и землю, а потом хлеб.

Никто не говорил. Все ждали.

Сначала услышали гул — тяжёлый, чужой, будто небо кашляло. Потом из облаков вывалилась огненная полоса. Она шла криво, неуверенно, словно корабль сам не знал, хочет ли садиться.

— Тянут на последнем, — сказал кто-то сзади.

Андрей не ответил. Он смотрел, как полоса превращается в громаду из металла, как дрожит земля, как ветер от двигателей гонит по полю сухую стерню. Пятнадцать лет хлеб рос здесь без них. Без тех, кто сейчас сидел внутри.

Корабль осел на поле. Двигатели стихли. Стало так тихо, что слышно было жаворонка.

Люк открылся не сразу. Будто внутри тоже боялись.

Наконец на трап вышел первый человек. Высохший, бледный, он держался за поручень обеими руками. На нём был кожаный плащ поверх комбинезона и генеральская папаха с позолотой. Андрей узнал его не сразу — только по привычке задирать подбородок. Бывший атаман Шарпейкин. Тот, кто двадцать лет назад сказал станице «я за вас похлопочу» и улетел прислу-

живать на Луну. Он прищурился от земного солнца и увидел людей на поле. Тысячи людей. Молчащих.

Он ещё улыбался. Он ещё ничего не понял.

— Двадцать лет я ждал этого дня, — едва слышно сказал Андрей, сам себе.

А начиналось всё с одного обычного рейса. И с одного списка, в котором не было ни одной простой фамилии.

Часть I. Исход

Глава 1. Обычный рейс

Октябрь 2026 года.

Будильник Андрей выключил до того, как он зазвонил. Как всегда. Двадцать лет службы приучили просыпаться за минуту до.

Полтретьего ночи. В квартире было тихо и тепло. На кухне он не стал включать верхний свет, только лампочку над плитой. Поставил чайник. Достал из холодильника контейнер, который Ольга собрала ему с вечера: котлеты, хлеб, два огурца. На крышке, как всегда, маркером: «Ешь горячим. Не забудь».

Он никогда не ел горячим. Она это знала. И всё равно писала каждый раз.

На холодильнике под магнитом висел новый рисунок. Машкин. Самолёт, большой, зелёный, с красной звездой и почему-то с улыбкой. В кабине человечек в шлеме. Внизу дом, четыре маленьких человечка и один побольше. Над ними солнце с лучами во все стороны. И кривая подпись: «ПАПА ЛЕТИТ ДАМОЙ».

Андрей постоял перед рисунком дольше, чем нужно.

Потом тихо прошёл по коридору. Дверь в детскую была приоткрыта. Ваня, четырнадцать лет, спал на верхнем ярусе, свесив руку: длинную, уже почти мужскую. Под кроватью валялись бутсы с засохшей грязью, вчера была тренировка до темноты. Саша и Даша, двойняшки, спали на нижнем ярусе валетом, хотя у каждой была своя подушка. Опять поссорились перед сном, опять помирились.

Машка спала в отдельной кроватке у окна, обняв облезлого плюшевого зайца по имени Кузя. Шесть лет. Одеяло сбилось к ногам. Андрей поправил его. Машка что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок.

В спальне Ольга приподнялась на локте.

— Уже?

— Спи. Рано ещё.

— Куда сегодня?

— На север.

Она помолчала. Последние полгода она перестала спрашивать «надолго?». Раньше спрашивала всегда.

— Возвращайся, — сказала она и опустилась обратно на подушку.

Так она говорила каждый раз. Пятнадцать лет. Он закрыл дверь и вдруг подумал, что ни разу за эти годы не ответил ей.

Взлетали в четыре утра, как всегда. Ил-76 тяжело оторвался от полосы, и аэродром внизу превратился в россыпь жёлтых огней.

— Опять на «Север-7»? — зевнул в наушниках штурман Лёха Гриценко.

— Опять, — ответил Андрей.

В наушниках, на фоне переговоров с диспетчером, бубнило военное радио: «…на направлении Пограничной республики продолжаются ожесточённые бои… СоюзЕвро объявил о новом пакете поставок… Заокеанье нанесло очередной удар по объектам Восточного Щита…» Андрей давно перестал вслушиваться. Война шла пятый год, и сводки звучали одинаково, как прогноз погоды.

Обычно он возил к фронту — боеприпасы, раненых обратно, гуманитарку. Поэтому лишний рейс на север никого не удивлял. Война всё спишет.

За последние полгода это был их двенадцатый рейс на объект, которого не было ни на одной карте. Груз всегда одинаковый: опечатанные контейнеры без маркировки, сопровождающие в гражданском, которые ни с кем не разговаривают. Раньше Андрей не задавал вопросов. Военному лётчику вопросы не положены.

Но в последнее время что-то не сходилось.

Сначала рейсов стало слишком много. Потом пропал Серёга Кравец из соседнего полка — «перевели на закрытую службу», и с тех пор ни звонка. А месяц назад Андрей увидел на «Севере» то, чего видеть был не должен: над тайгой медленно поднималась ракета. Не боевая. Тяжёлая, грузовая, с белыми боками. Через неделю — ещё одна.

— Командир, — Лёха повернулся к нему, — а ты не думал, куда мы всё это возим?

— Думал.

— И?

— И решил, что меньше знаешь — крепче спишь.

Лёха хмыкнул и отвернулся к приборам. Андрей соврал. Спал он в последнее время плохо.

«Север-7» встретил их снегом и тишиной. Бетонная полоса посреди леса, ангары, бараки, а дальше, за тремя рядами колючки, — стартовый комплекс. Пока техники разгружали контейнеры, Андрея вызвали в штабной вагончик подписать накладные.

Дежурный офицер, молодой капитан с красными от недосыпа глазами, сунул ему бумаги и выскочил на мороз — кто-то кричал ему с улицы.

Андрей остался один.

На столе, рядом с накладными, лежала толстая папка. Серая, с красной полосой и грифом: **«ИСХОД. Очередь 1. Совершенно секретно»**.

Он не собирался её открывать. Честно не собирался. Но папка лежала раскрытой — капитан, видно, работал с ней до их прилёта.

Список. Фамилии, должности, номера мест.

Министры. Их жёны. Дети. Внуки. Депутаты. Владельцы заводов. Генералы, которых Андрей знал по газетам. Напротив каждой фамилии — пометка: «Л-1», «Л-2». Ниже, мелким шрифтом, отдельный раздел: «Персонал обслуживания. Категория Б». Повара. Техники. Врачи. Сантехник.

И в самом конце — расшифровка шифра. «Л — Лунный комплекс. М — Марсианская миссия».

Андрей перечитал дважды. Потом ещё раз.

На следующей странице был график. Даты стартов — до весны 2030 года. А на самой последней строке, обведённой красным, стояло одно слово и дата: **«Ч» — 2030**.

Он не знал, что значит «Ч». Но вдруг понял — очень ясно, до холода в животе.

В списке не было ни одного простого человека. Ни одного учителя. Ни одного фермера. Ни одного ребёнка не из «той» семьи. Только те, кто наверху, и те, кто будет им подавать.

А значит, остальным места не предусмотрено.

Руки сами достали телефон. Щелчок. Ещё щелчок. Ещё. Страница со списком. График. Последняя строка.

Он уже закрывал папку, когда взгляд зацепился за знакомое.

В разделе «Лётный состав, резерв» стояла фамилия. **Волков А. В., майор.** Его фамилия. Его инициалы.

И она была вычеркнута. Аккуратно, одной ровной линией, свежими чернилами.

За дверью заскрипел снег. Андрей сунул телефон в карман, взял накладные и расписался — рука почти не дрожала.

— Всё в порядке, товарищ майор? — капитан вошёл, стряхивая снег с шапки.

— В полном, — сказал Андрей.

Обратно летели молча. Лёха пару раз пытался шутить, потом бросил.

Над облаками вставало солнце — огромное, спокойное. Внизу где-то спали города. Миллионы людей, которые завтра пойдут на работу, поведут детей в садик, поругаются из-за ипотеки и даже не узнают, что их уже посчитали. И не включили.

Андрей думал о жене. О четверых детях. О матери и отце в станице. О друзьях, с которыми когда-то сидел за одной партой в училище.

И о том, кто вычеркнул его из списка.

И зачем.

Домой он вернулся затемно.

В прихожей пахло борщом и мокрой собакой: соседский пёс опять прорвался в подъезд, и Ваня, конечно, его впустил. Из комнаты доносился спор: двойняшки делили планшет. В ванной плескалась вода и кто-то пел. Машка, фальшиво и очень громко.

Обычный вечер. Тысячный такой же вечер.

Андрей стоял в прихожей, не снимая куртки, и не мог сдвинуться с места.

— Пап! — Машка выскочила из ванной в полотенце, мокрая, с пеной в волосах, и с разбегу обхватила его за ноги. — Ты видел рисунок? Видел? Это ты! Это твой самолёт!

— Видел, — сказал он. — Очень похоже.

— А почему он улыбается?

— Кто?

— Самолёт! Я его специально нарисовала, чтобы улыбался. Потому что он везёт тебя домой.

Андрей присел перед ней на корточки и долго смотрел в её мокрое, счастливое лицо.

— Пап, ты чего?

— Ничего, — сказал он. — Просто соскучился.

За ужином говорили все сразу. Ваня рассказывал про тренировку: тренер наконец поставил его в основу, в воскресенье игра с соседней школой, папа, ты придёшь? Даша жаловалась на Сашу, Саша на Дашу. Машка в третий раз просилась на каток, все подружки уже катаются, а она одна нет.

— Сходим, — сказал Андрей. — В январе. Обещаю.

— Честно?

— Честно.

Ольга смотрела на него через стол. Молча. Она одна заметила, что он почти ничего не съел.

После ужина он мыл посуду. Сам, хотя обычно мыла она. Стоял у раковины, тёр одну и ту же тарелку, а в голове крутилось: министры, их жёны, их дети. Внуки. Персонал категории Б. Повара. Сантехник. Л-1, Л-2.

И ни одной строчки для этой кухни.

— Андрей, — Ольга встала рядом и забрала у него тарелку. — Ты её уже пять минут моешь.

— Задумался.

— О чём?

Он посмотрел на неё. На морщинку между бровей, появившуюся в последний год. На руки, пахнущие ромашковым кремом. На обручальное кольцо, которое она ни разу не снимала с того дня в станичной церкви.

— О воскресенье, — сказал он. — Надо на игру к Ване сходить.

Ольга смотрела на него ещё секунду. Потом кивнула и ничего не сказала.

Она всегда знала, когда он врёт. И всегда давала ему время.

Ночью он вышел на балкон.

Город внизу горел огнями. Окна многоэтажек: тысячи окон, в каждом кто-то живёт. Ругается из-за ипотеки. Укладывает детей. Смотрит сериал. Ставит будильник на завтра. По проспекту ползли машины, где-то играла музыка, на остановке смеялись подростки.

Он стоял и считал окна. Сбился на третьей сотне.

Из-за спины, из детской, послышался тихий голос:

— Пап, ты не спишь?

Машка стояла в дверях балкона, босиком, с Кузей под мышкой.

— Иди спать, зайчонок. Холодно.

— А ты?

— И я сейчас.

Она подошла и прижалась к его ноге. Посмотрела вниз, на огни.

— Красиво, — сказала она сонно. — Пап, а там все люди живут?

— Все, — сказал Андрей.

— И всегда будут?

Он не ответил. Поднял её на руки, тёплую, лёгкую, пахнущую детским шампунем, и отнёс в кроватку. Укрыл. Посидел рядом, пока она не уснула.

Потом вернулся на кухню и до утра смотрел на рисунок на холодильнике.

ПАПА ЛЕТИТ ДАМОЙ.

Улыбающийся самолёт. Дом. Пять человечков. Солнце.

К утру он уже знал, кому позвонит первым.

Глава 2. Баня на хуторе

Ноябрь 2026 года. Кубань.

Телефоны оставили дома. Все, без исключения. Так Андрей и сказал, когда обзванивал их по одному, с городского автомата у вокзала:

— В субботу. У Мишани на хуторе. Без мобильников. Без жён. Это серьёзно.

Никто не спросил, что случилось. Двадцать лет дружбы — с тех пор, как они, лопоухие курсанты, драили казарму в училище, — давно отучили их задавать лишние вопросы.

Андрей помнил тот день, когда они стали пятёркой. Не первый день в училище, а другой. Февраль, второй курс, марш-бросок на тридцать километров по снежной целине, в полной выкладке.

На двадцать втором километре Петя Лозовой, тогда ещё тощий очкарик, которого вся рота звала Профессором, провалился в занесённую снегом промоину и сломал ногу. Тихо, без крика. Просто сел в снег и побелел.

Сержант посмотрел на часы, на ногу, на рацию, которая не брала. Сказал: «Оставляем с ним одного, остальные вперёд. Пришлют машину».

Машину ждать было часов шесть. Мороз — минус двадцать пять. Ветер.

Мишаня, ещё не рыжий великан, а просто рыжий здоровый курсант, молча снял с себя вещмешок и отдал его Вите. Игорь Сомов, который за полтора года сказал роте слов двадцать, срубил две жерди, и они с Андреем за пять минут связали из плащ-палаток носилки.

— Отставить, — сказал сержант. — Вы не дойдёте. Восемь километров.

— Дойдём, — сказал Андрей.

Несли по очереди. Андрей и Мишаня, потом Игорь и Витя, потом снова Андрей. Петя лежал на носилках и всю дорогу извинялся. Мишаня на пятом километре велел ему заткнуться, иначе понесут вниз головой.

На финиш пришли последними. На сорок минут позже роты. Ротный, старый подполковник с обожжённым лицом, ещё с той, прежней войны, долго смотрел на них: на четверых обмороженных курсантов и одного на носилках.

Они ждали наряда вне очереди. Может, и не одного.

А подполковник подошёл, постоял и сказал всего три слова. Негромко, будто самому себе:

— Своих не бросаем.

Потом развернулся и ушёл. А они остались. Пятеро. И с тех пор больше не расставались. Даже когда служба разбросала их по всей стране: открытки на Новый год, звонки на дни рождения, бани раз в год у кого получится. Пятеро, на всю жизнь.

В субботу этот снежный февраль вспомнил каждый. Хоть никто и не сказал вслух.

Хутор Михаила Дорохова стоял на отшибе, за лесополосой, в двух километрах от ближайшей станицы. Мишаня, полковник ВДВ в запасе, купил его пять лет назад «для пенсии» и с тех пор только и делал, что достраивал баню.

К вечеру собрались четверо.

Сам Мишаня — широкий, рыжий, с руками как лопаты. Игорь Сомов — сухой, молчаливый, двадцать лет в спецназе, половину из них там, о чём не рассказывают. Витя Кайдаш — тыловик, инженер, человек, который мог построить что угодно из чего угодно. И Петя Лозовой — военврач, единственный из них, кто так и не научился материться.

Андрей приехал последним. Поставил машину за сараем, огляделся на тёмную дорогу и только потом вошёл.

В предбаннике пахло берёзой и дымом. На столе стояла бутылка, сало, огурцы. Мишаня уже разлил.

— Ну, майор, — сказал он, — рассказывай. Ты нас как на войну собрал.

Андрей не стал садиться. Достал из-за пазухи плотный конверт и положил на стол.

— Сначала посмотрите. Потом рассказывать буду.

Внутри были распечатки. Фотографии с телефона Андрей сбросил на старую флешку, распечатал дома ночью на древнем принтере, а сам телефон отнёс в ремонт «с разбитым экраном» и обратно не забрал.

Витя взял первый лист, прищурился.

— «Исход. Очередь один». Это что, учения какие?

— Читай дальше.

Читали молча. Листы переходили из рук в руки. Министры. Жёны. Дети. Персонал категории Б. Лунный комплекс. Марсианская миссия. График стартов. И последняя строка, обведённая красным.

Первым заговорил Петя:

— Андрюх, это может быть фальшивка. Проверка какая-нибудь. Провокация.

— Может, — кивнул Андрей. — Я сам себе так говорил. Неделю. А потом своими глазами видел, как с «Севера» уходят ракеты. Грузовые. Каждые десять дней. Я им эти контейнеры вожу, мужики. Полгода вожу.

Игорь Сомов отложил лист и впервые за вечер поднял глаза.

— Кравец, — сказал он тихо. — Серёга. Его ж «перевели». Я его жену в магазине встретил месяц назад. Она говорит — звонить не может, служба закрытая. А сама счастливая такая. Слишком счастливая.

— Персонал категории Б, — сказал Андрей. — Он техник. Хороший техник.

Наступила тишина. Слышно было, как трещат дрова в печи.

— «Ч», — Витя ткнул пальцем в последнюю строку. — Что за «Ч»?

Никто не ответил. Все и так понимали.

Мишаня встал, прошёлся по предбаннику, упёрся лбом в бревенчатую стену.

— Значит, так, — глухо сказал он. — Они там наверху всё решили. Себя посчитали. Обслугу посчитали. А нас — нет.

— Нас — нет, — повторил Андрей. И положил на стол ещё один лист.

Тот самый. «Лётный состав, резерв». И фамилия, перечёркнутая ровной чертой.

— Меня тоже посчитали, — сказал он. — А потом кто-то вычеркнул.

Все смотрели на этот лист дольше, чем на остальные.

— Кто? — спросил Игорь.

— Не знаю. Но если бы не вычеркнули — я бы, может, и не стал смотреть, что там в папке. Может, и полетел бы. С женой и детьми. И вас бы тут не было.

Петя снял очки и долго протирал их краем рубахи.

— И что ты предлагаешь? Идти в газету? В интернет выложить?

— Нас закопают раньше, чем пост наберёт сто лайков, — сказал Игорь. — И списки перепишут.

— Я не предлагаю никуда идти, — сказал Андрей. — У нас четыре года. Может, меньше. Нас никто не спасёт, мужики. Значит, спасаем себя сами. Своих. Жён, детей, стариков. Всех, за кого можем поручиться.

— Где? — спросил Витя. Инженер в нём уже проснулся. — Бункер нужен. Глубокий. Вентиляция, фильтры, вода, генераторы. Это не сарай построить.

— Значит, построим не сарай.

Мишаня обернулся от стены. В глазах у него было что-то, чего Андрей не видел со времён училища.

— Я за, — сказал он. — У меня ребята есть. Из полка. Такие, что за мной в огонь пойдут.

— У меня тоже, — кивнул Игорь.

Петя вздохнул, надел очки обратно.

— Медикаменты, — сказал он. — Мне нужен список. И антибиотики начинать закупать надо уже сейчас, понемногу.

Витя молча придвинул к себе чистый лист и начал рисовать.

Андрей посмотрел на них — на четверых мужиков в предбаннике, пахнущем берёзой, — и впервые за месяц ему стало немного легче.

— Своих не бросаем, — сказал Мишаня и поднял стопку.

— Своих не бросаем, — ответили остальные.

Потом всё-таки парились. Молча, долго, по-настоящему. Мишаня хлестал всех веником так, будто выбивал из них этот вечер. Андрей лежал на полке, смотрел в тёмные доски потолка и думал, что за весь месяц впервые ни о чём не думает.

В предбаннике, красные, распаренные, завёрнутые в простыни, сидели и пили чай из самовара. Уже без бутылки.

— А жёнам когда? — спросил вдруг Витя.

Все замолчали.

— Пока никому, — сказал Андрей. — Пока не будем знать, где и как. Если хоть одно слово уйдёт…

— Я Гале двадцать лет не врал, — тихо сказал Петя. — Ни разу. Даже когда в командировку в горячую точку уезжал, говорил как есть.

— Так и не ври, — сказал Игорь. — Просто молчи. Это разные вещи.

Петя посмотрел на него долго.

— Для Гали не разные.

Мишаня шумно отхлебнул чай.

— Моя всё равно узнает первой, — сказал он мрачно. — Она у меня с пяти метров чует, если я хоть стопку выпил. А тут конец света. Она его по запаху определит.

Витя фыркнул в кружку. Потом засмеялся Петя. Потом все. Устало, нервно, до слёз, как смеются только люди, которые очень долго держали что-то внутри.

Мишаня обвёл предбанник взглядом. Свою баню, которую пять лет строил «для пенсии».

— Знал бы, — сказал он, — для чего строю. Хоть бы полки покрепче сделал.

— Крепче надо будет кое-что другое делать, — сказал Витя.

И снова придвинул к себе лист с чертежом.

Листы сожгли в печи, все до одного. Флешку Андрей оставил себе.

Разъезжались за полночь, по одному, с интервалом в двадцать минут. Андрей уезжал последним.

На повороте к трассе он заметил у лесополосы машину. Тёмную, без огней. Он проехал мимо, не сбавляя скорость, и смотрел в зеркало, пока она не исчезла в темноте.

Фары за ним так и не зажглись.

Но и уезжать она не собиралась.

Глава 3. Человек из тёмной машины

Ноябрь 2026 года.

Три дня Андрей ждал, что за ним придут.

На службе — ничего. Дома — ничего. Рейс на «Север-7» прошёл как обычно, тот же капитан с красными глазами, те же опечатанные контейнеры. Никто не смотрел на него косо. И от этого становилось только хуже.

Он начал замечать то, чего раньше не замечал.

Серую «Ладу» под окнами, которая стояла там вторые сутки. Потом выяснилось — соседская, сын приехал из армии. Мужчину в очереди в аптеке, который слишком долго смотрел на его форму. Щелчки в домашнем телефоне, хотя им уже лет пять никто не пользовался.

На службе командир полка, проходя мимо, хлопнул его по плечу:

— Волков, ты чего такой зелёный? Отпуск возьми, что ли.

Андрей полдня гадал, что это значит. Ничего не значило. Командир просто сказал то, что видел.

В среду ночью, когда все уснули, он сел за кухонный стол и написал письмо. От руки, на тетрадном листе. Ольге. Про папку. Про фамилию. Про пятерых в бане. Про то, что делать, если он однажды не вернётся с рейса, а потом придут вежливые люди и скажут: несчастный случай.

Перечитал. Сложил вчетверо. Засунул в коробку с ёлочными игрушками на антресолях, на самое дно, под стеклянного космонавта, которого Ольга вешала на ёлку каждый Новый год с самого детства.

До Нового года оставалось шесть недель. Если с ним что-то случится — она найдёт.

В воскресенье Ваня играл.

Школьный стадион, мокрый ноябрьский газон, две трибуны по пять рядов. Родители в куртках, с термосами. Андрей сидел в третьем ряду рядом с Ольгой и смотрел не на поле, а на трибуны.

На каждое лицо. На каждую руку в кармане.

— Ты на игру смотришь или на людей? — тихо спросила Ольга.

— На игру.

На тридцать восьмой минуте Ваня получил мяч на правом фланге, ушёл от одного, от второго и пробил низом, в дальний угол. Мяч проскочил под рукой у вратаря и тихо вкатился в сетку.

Трибуна взорвалась. Ольга вскочила, захлопала. Машка визжала так, что на неё оборачивались. Ваня бежал вдоль поля, раскинув руки, и искал глазами отца.

Андрей встал и поднял руку. Ваня увидел. Улыбнулся так, как улыбался в пять лет, когда в первый раз сам проехал на велосипеде.

И в эту секунду Андрей вдруг перестал смотреть на трибуны.

Потому что понял: если за ним придут, они придут не сюда. Не на школьный стадион, где мальчишки в грязных гетрах гоняют мяч, а родители кричат и пьют чай из термосов.

А если придут сюда — значит, уже всё равно.

Он досмотрел игру до конца. Первый раз за месяц ни о чём не думая. Ванина команда выиграла два — один.

По дороге домой Ваня, грязный, счастливый, сидел на заднем сиденье и рассказывал, как именно он обвёл того защитника. В третий раз.

— Пап, ты видел? Видел, как я его?

— Видел, — сказал Андрей. — Лучший гол в сезоне.

Он смотрел на сына в зеркало заднего вида. И думал, что у этого мальчика не будет ни сезона, ни лиги, ни чемпионата. Ничего. Если он, Андрей, ничего не сделает.

На четвёртый день, возвращаясь поздно со службы, Андрей заехал на заправку у трассы. Залил бак, взял кофе в бумажном стаканчике, вернулся к машине.

На пассажирском сиденье сидел человек.

Лет пятьдесят, короткая седая стрижка, неприметная куртка. Лицо из тех, что забываешь через минуту после встречи. Он спокойно смотрел вперёд, сложив руки на коленях.

Андрей замер у открытой двери. Рука сама потянулась к поясу — туда, где оружия не было.

— Не надо, Андрей Викторович, — мягко сказал человек, не поворачивая головы. — Садитесь. Кофе остынет.

— Кто вы?

— Садитесь, — повторил тот. — Если бы я хотел вас взять, вы бы до заправки не доехали.

Андрей сел. Закрыл дверь. Поставил стаканчик на панель.

Человек достал из кармана телефон и положил ему на колено. Андрей узнал его сразу — по трещине в углу экрана, которую сам и сделал молотком.

— Хорошая идея, — сказал незнакомец. — Сдать в ремонт и не забрать. Только мастерская на Октябрьской — наша. Не повезло вам.

— Чья — «наша»?

— Бурлак. Олег Петрович. Полковник Северной службы безопасности, — он чуть усмехнулся. — Можно просто ССБ. Удостоверение показывать не буду, вы всё равно не поверите.

Андрей молчал. Сердце било в горло.

— Фотографии я посмотрел, — продолжил Бурлак. — Хорошие. Чёткие. Особенно последняя страница. Та, где вы вычеркнуты.

— Зачем вы здесь?

Бурлак наконец повернулся к нему. Глаза у него были усталые. Очень усталые.

— Затем, что у меня жена, — сказал он. — И две дочки. И внучка, ей полтора года. И знаете, сколько из них в «Исходе»?

Андрей не ответил.

— Ни одной, — сказал Бурлак. — И меня там тоже нет. Я двадцать восемь лет охранял этих людей. Их дачи, их счета, их тайны. А они меня даже в обслугу не взяли.

Они сидели в машине почти час. Заправщик дважды выглядывал из окошка и дважды отворачивался.

Бурлак рассказывал ровно, без эмоций, как читают сводку.

«Исход» он заметил полтора года назад — по деньгам. Слишком много денег уходило в никуда: через фонды, через подставные стройки, через космические программы, о которых никто не слышал. Он начал копать. Тихо, по-своему. И докопался.

— Луна — наша, — сказал он. — Марс — общий, там и НАТАША, и СоюзЕвро, и наши немного. Делят, как всегда. А на Земле… — он помолчал. — На Земле для всех остальных не предусмотрено ничего. Совсем ничего, Андрей Викторович. Даже бункеров для народа не строят. Зачем? Народ своё отработал.

— Почему вы пришли ко мне? — спросил Андрей. — Вы полковник ССБ. У вас люди, связи. Зачем вам лётчик-транспортник?

— Потому что у меня люди и связи, — ответил Бурлак. — А у вас — друзья. Это разные вещи. Мои люди сдадут меня, как только станет выгодно. А ваши, — он кивнул в сторону, куда-то туда, где за лесополосой стоял хутор Мишани, — ваши не сдадут. Я три дня за вами смотрел. Я знаю, кто был в бане. Я знаю, что вы сожгли листы. И я знаю, что никто из четверых до сих пор не проболтался даже жене.

Андрей медленно выдохнул.

— Значит, тёмная машина у поворота…

— Моя, — кивнул Бурлак. — Хотел убедиться, что за вами больше никто не ездит. Никто. Пока.

— Чего вы хотите? — спросил Андрей.

— Того же, что и вы. Спасти своих.

— И что вы можете дать?

Бурлак загибал пальцы:

— Прикрытие. Документы на землю, на фирму, на что угодно — чистые, никто не придерётся. Предупреждения — если кто-то начнёт интересоваться вами, я узнаю первым. И людей. Не много, но настоящих. Есть один подполковник из Главной разведки Севера, ГРС. Он знает, куда полетят ракеты. И куда не полетят. Это вам пригодится, когда будете выбирать место.

— Место уже есть, — сказал Андрей. — Кубань.

— Значит, проверим, повезло ли вам с Кубанью, — Бурлак открыл дверь, впустив в салон холодный ночной воздух. — Телефон оставьте себе. Он теперь чистый. И больше не носите его в бани, Андрей Викторович. Даже в выключенном виде.

Он уже вылез из машины, когда Андрей окликнул его:

— Олег Петрович. Кто меня вычеркнул?

Бурлак постоял, придерживая дверь.

— Не знаю, — сказал он. — Но могу сказать одно. Чтобы вычеркнуть фамилию из «Исхода», нужен допуск, который во всей стране есть у пары десятков человек. Кто-то из них вас знает. И почему-то решил, что вам лучше остаться на Земле.

Он помолчал.

— И ещё. Вы думаете, наши поступили подло? Подождите, пока узнаете, что приготовили своему народу НАТАША и СоюзЕвро. Есть у меня одна знакомая из Службы дальней разведки. Она вам расскажет. Если вы захотите это слышать.

Дверь закрылась. Бурлак ушёл в темноту, не оглядываясь, — к той самой машине без огней, которая стояла у дальнего края заправки.

Кофе на панели давно остыл.

Олег Петрович Бурлак вернулся домой в третьем часу ночи.

Квартира в старой пятиэтажке на окраине. Двадцать восемь лет службы, полковник ССБ, и всё та же двушка, что дали ещё капитаном. Он никогда не брал того, что предлагали. Все думали — гордость. На самом деле он просто слишком хорошо знал, чем за это потом платят.

В прихожей пахло детской присыпкой. На полу валялась резиновая утка.

Он разулся и тихо прошёл в маленькую комнату. Там на раскладушке спала внучка, Сонечка, полтора года. Дочь опять оставила её на выходные — у самой работа, смены, развод. Девочка спала, раскинув руки, приоткрыв рот. Сопела.

Бурлак сел на табуретку рядом. Не сводил с неё глаз.

Из спальни вышла жена, Нина, в халате, со стаканом воды.

— Опять ночью, — сказала она. Не упрёк. Просто констатация. Тридцать лет она так говорила.

— Работа, Нин.

Она села на край раскладушки, поправила внучке одеяло. Потом посмотрела на мужа. Внимательно. Так, как смотрела, когда он вернулся из той, первой своей командировки.

— Олег, — сказала она. — Что-то случилось?

Он хотел сказать «нет». Как всегда. Двадцать восемь лет он отвечал ей «нет», и она двадцать восемь лет делала вид, что верит.

— Случилось, — сказал он.

Нина замерла.

— Плохое?

— Очень, — сказал Бурлак. — Но я, кажется, нашёл людей, с которыми из этого можно выбраться.

Она долго молчала. Потом взяла его руку. Сухую, жёсткую, со старым шрамом через ладонь.

— Это хорошие люди?

Он вспомнил лётчика на заправке. Его остывший кофе. Как тот сказал: «Кубань». Твёрдо, не задумываясь. Как будто уже всё решил.

— Хорошие, — сказал он. — Упрямые. Таких сейчас мало.

Нина кивнула.

— Тогда держись их, — сказала она. — И нас с собой не забудь.

Она ушла в спальню. Бурлак ещё долго сидел на табуретке рядом с раскладушкой и слушал, как сопит внучка.

Потом достал из внутреннего кармана маленькую флешку. Копию фотографий Волкова, которую сделал в мастерской на Октябрьской. Подержал в пальцах.

Он мог бы отнести её наверх. Прямо завтра. Получить за неё повышение, благодарность, может быть, даже место. Не в обслуге. В настоящем списке. Для себя, для Нины, для дочки. Для Сонечки.

Он знал, что предложат. Он двадцать восемь лет видел, как такие вещи меняют на билеты.

Бурлак встал, пошёл на кухню, положил флешку на разделочную доску и разбил её молотком для мяса. Один раз. Второй. Потом смёл осколки в ладонь и выбросил в мусорное ведро.

На Луне, подумал он, внучке не будет неба.

А здесь, может быть, будет.

Глава 4. Ляпинск

Декабрь 2026 года.

Карту Гусев разложил прямо на капоте «Нивы», придавив углы камнями.

Подполковник Главной разведки Севера (ГРС) Сергей Гусев оказался совсем не таким, каким Андрей его представлял. Невысокий, лысоватый, в очках с толстыми стёклами — похож на школьного учителя физики. Только смотрел он на карту так, как другие смотрят в прицел.

— Красное — первая волна, — сказал он, водя пальцем. — Столица, крупные города, базы, порты, заводы. Оранжевое — вторая. Жёлтое — радиоактивный след при среднем ветре.

Карта была почти вся красно-оранжевая. Андрей молча смотрел, как гаснет страна, которую он присягал защищать.

— А это? — он ткнул в небольшое белое пятно среди полей.

— А это, — Гусев поправил очки, — то, что вы просили. Ни одной цели в радиусе восьмидесяти километров. Розы ветров здесь удачные, основной след уходит на восток. Реки, чернозём, вода близко к поверхности. Если где-то на юге и можно пересидеть, то здесь.

Андрей прочитал название, мелко подписанное у белого пятна.

— Ляпинск.

— Вы его знаете?

— Дед мой отсюда родом, — сказал Андрей. — Я там в детстве каждое лето был.

Гусев посмотрел на него поверх очков.

— Совпадение?

— Нет, — сказал Андрей. — Просто наконец повезло.

Всю дорогу до Ляпинска Андрей молчал. Гусев не мешал.

За окном тянулись поля, голые, декабрьские, с чёрными полосами зяби. Лесополосы. Элеваторы. Станицы с белёными хатами и синими воротами. И чем ближе к Ляпинску, тем сильнее что-то сжималось в груди.

Он был здесь в последний раз в десять лет. Летом девяносто восьмого. В то лето дед Иван уже болел, почти не вставал, но каждое утро всё равно выходил на крыльцо, садился на лавку и смотрел на дорогу.

А однажды позвал внука с собой. Медленно, опираясь на палку, повёл его через всю станицу на окраину, к колхозу. Остановился у старого зерносклада, тогда ещё целого, с крепкими воротами.

— Запомни это место, Андрюха, — сказал дед.

— Зачем, дедушка?

Дед не отвечал. Смотрел на склад, на поле за ним, на реку вдалеке.

— Затем, что всякое бывает, — сказал он наконец. — Бывает, люди наверху про людей внизу забывают. Тогда людям внизу надо помнить друг про друга. Сами. Понял?

Андрей не понял. Ему было десять лет, и он хотел на речку.

— Понял, — сказал он.

Дед положил ему на голову тяжёлую сухую ладонь. Подержал. И они пошли обратно.

Осенью деда не стало. Андрей больше в Ляпинск не приезжал: отца перевели на север, потом училище, потом служба. Двадцать восемь лет.

А склад он, оказывается, запомнил. Только сейчас понял, что запомнил.

Ляпинск встретил их тишиной и грязью.

Двести дворов, половина пустует. Заколоченный клуб. Магазин, работающий три дня в неделю. И на краю — то, ради чего они приехали: бывший колхоз «Заря Кубани». Ржавые

ангары, коровник без крыши, зерносклад с проваленными воротами. Тридцать гектаров земли, которые никому не были нужны уже лет пятнадцать.

Пока Витя с Мишаней лазили по колхозу, Андрей пошёл по станице один.

Он шёл и узнавал. Колодец с журавлём на перекрёстке: журавль сгнил, но колодец остался. Старую грушу у школы, на которую он однажды залез и не смог слезть. Церковь, облезлую, с покосившимся крестом. Мостик через балку, где они с местными пацанами ловили раков.

Дедов дом стоял на Садовой, в самом конце. Крыша провалилась. Окна заколочены досками крест-накрест. Палисадник зарос бурьяном по пояс. Но вишня у крыльца была жива. Та самая, под которой дед сидел на лавке.

Андрей долго стоял у калитки.

— Ты чей будешь, сынок?

Он обернулся. У соседнего забора стояла старуха. Маленькая, сухая, в цветастом платке и галошах на шерстяной носок. В руке ведро с картофельными очистками.

— Волков, — сказал Андрей. — Внук Ивана Степановича.

Старуха поставила ведро. Подошла ближе. Прищурилась.

— Андрюшка?

— Андрюшка.

— Господи, — сказала она и всплеснула руками. — Андрюшка! Это ж ты у меня с черешни свалился, помнишь? Коленку расшиб, а дед твой меня потом полгода ругал, что я черешню не обрезала!

Андрей вспомнил. Вспомнил вдруг всё сразу: запах её кухни, пирожки с вишней, которые она выносила им с дедом через забор, её голос, громкий, на всю улицу.

— Бабушка Петренко, — сказал он.

— Ну а кто ж ещё, — сказала она и вытерла глаза краем платка. — Одна я тут теперь на всю Садовую. Все поумирали, поразъехались. А я сижу. Куда мне ехать-то? Тут мой Петенька лежит, на кладбище. И сын. И Иван твой.

Она взяла его за руку. Рука у неё была шершавая и горячая.

— Насовсем приехал или так?

Андрей посмотрел на дедов дом. На вишню. На старуху, которая держала его за руку, будто боялась, что он исчезнет.

— Насовсем, бабушка, — сказал он.

Она кивнула, не удивившись.

— Вот и хорошо, — сказала она. — Иван так и говорил. Вернётся, говорил, внук. Он упрямый.

— Красота, — сказал Мишаня, оглядывая разруху. — Прямо курорт.

— Именно то, что нужно, — ответил Витя Кайдаш. Он уже ходил по территории с рулеткой и блокнотом, что-то бормоча себе под нос. — Никто не удивится, если тут начнут строить. Наоборот — скажут, наконец-то хозяин нашёлся.

По документам, которые за неделю сделал Бурлак, колхоз покупало фермерское хозяйство «Возрождение». Владелец — Михаил Дорохов, полковник ВДВ в запасе, решивший на пенсии заняться молочным скотоводством. Легенда простая и скучная. Самая лучшая легенда.

Оставалось одно — станичный сход. Без согласия станицы землю здесь не продавали. Так было заведено ещё при дедах.

Сход собрали в субботу в старом клубе. Пришло человек сорок — старики, бабы в платках, несколько мужиков помоложе. За столом президиума, под выцветшим флагом, сидел станичный атаман.

Андрей узнал его не сразу.

Обрюзгший, краснолицый, с отвисшими щеками и привычкой задирать подбородок. Дорогие часы на толстом запястье. Шарпейкин. Когда-то, в детстве Андрея, он был простым трактористом, а теперь — атаман, депутат районного совета и «уважаемый человек».

— Ну, — Шарпейкин побарабанил пальцами по столу, — значит, пенсионер из ВДВ хочет нашу «Зарю» поднять. Похвально, похвально. Коровки, молочко. А зачем вам такие площади, Михаил… как вас?

— Михаил Иванович, — спокойно сказал Мишаня. — Хозяйство большое хочу. Чтобы людей нанять. Своих, станичных.

По залу прошёл одобрительный гул. Работы в Ляпинске не было давно.

— Людей — это хорошо, — кивнул Шарпейкин. — Это правильно. А то сейчас все пугают, пугают… Слыхали, что по телевизору говорят? Война, мол, скоро. Ракеты, бункеры. — Он рассмеялся, и щёки его затряслись. — Не будет никакой войны, станичники! Это всё НАТАША нас запугивает, чтоб мы боялись. А у нас там, наверху, люди серьёзные сидят. Не допустят. Я вам как атаман говорю — живите спокойно, сейте, растите детей.

Андрей смотрел на него из последнего ряда и молчал.

Он вспомнил одну фамилию из серой папки. В самом конце, в разделе «Резерв. На рассмотрении». Шарпейкин В. Н., хозяйственная часть.

Тогда, на «Севере», он не обратил на неё внимания. Мало ли Шарпейкиных.

Теперь — обратил.

За землю проголосовали единогласно. Шарпейкин лично пожал Мишане руку и пожелал удачи.

— Если что надо будет — обращайтесь, — сказал он. — Я тут всё решаю.

Когда они выходили из клуба, Андрей заметил во дворе атаманского дома, через дорогу, новенький внедорожник. На заднем сиденье громоздились чемоданы. Дорогие, одинаковые. Совсем новые.

Первую ночь на «Заре» они копали сами — впятером, при свете налобных фонарей, под видом «разметки фундамента для коровника».

Витя выбрал место под старым зерноскладом — крепкие стены, бетонный пол, никто не увидит, что творится внутри. На втором метре лопата Мишани звякнула обо что-то твёрдое.

— Камень, — буркнул он.

Витя опустился на колени, расчистил землю руками. Под ней был бетон. Ровный, старый, с вмурованным железным кольцом.

Они переглянулись.

Крышку люка поднимали втроём. Снизу дохнуло затхлым холодом. Луч фонаря ушёл в темноту, выхватил ржавые ступени, уходящие вниз, и на стене — облупившуюся табличку, которую Андрей прочитал вслух, медленно, по слогам:

«Убежище гражданской обороны колхоза «Заря Кубани». Вместимость — 150 человек».

Долго никто ничего не говорил.

— Кто-то, — наконец сказал Петя Лозовой, — уже один раз готовился к концу света. Здесь же. Задолго до нас.

— И не дожил, — тихо добавил Игорь Сомов.

Андрей посветил дальше. Коридор уходил вглубь, гораздо дальше, чем должен был для ста пятидесяти человек. Гораздо дальше, чем было на любом плане.

И где-то там, в глубине, ему показалось, что на пыльном полу есть следы.

Свежие.

Андрей спустился первым. Остальные — следом, стараясь не шуметь.

Коридор был сухой, бетонный, с низким потолком. По стенам тянулись старые трубы вентиляции, на крюках висели противогазы в истлевших сумках. Двери по бокам — гермодвери, тяжёлые, с колёсами-штурвалами. За одной — нары в три яруса. За другой — ржавые баки для воды. За третьей — фильтровентиляционная установка, укрытая брезентом. Аккуратно укрытая. Будто кто-то за ней ухаживал.

Следы вели дальше.

Коридор повернул, потом ещё раз. Табличка на стене: «Блок Б». Потом: «Блок В». На старых планах убежища — Андрей видел их в архиве района — никаких блоков не было. Был один зал на сто пятьдесят человек. А здесь…

— Тут на тысячу, — шёпотом сказал Витя. — Если не больше.

В тишине сухо щёлкнул затвор.

Все замерли. Игорь Сомов мгновенно ушёл в сторону, к стене, Мишаня закрыл собой Петю. Андрей поднял пустые руки в луче собственного фонаря.

Из темноты, из-за поворота, раздался голос. Старческий, скрипучий, но твёрдый:

— Фонарь опусти. Глаза слепишь.

Андрей опустил.

В полумраке стоял старик. Сухой, сгорбленный, в ватнике и солдатских валенках. В руках — двустволка, древняя, как он сам. Стволы смотрели Андрею точно в грудь и не дрожали.

— Ты чей будешь? — спросил старик.

— Волков. Андрей Викторович.

Старик не шевелился. Потом медленно, очень медленно опустил ружьё.

— Виктора сын, — сказал он. — Значит, Ивана Волкова внук.

— Да.

Старик подошёл ближе. Вгляделся в лицо Андрея — так, как вглядываются в фотографию, которую давно потеряли.

— Похож, — сказал он. — Глаза дедовы. — И вдруг усмехнулся беззубым ртом. — Долго же ты, Волков. Дед твой говорил — внук придёт. Я уж думал, не доживу.

Его звали Матвей Ильич Гончар. Восемьдесят три года. Последний живой из тех, кто в восемьдесят третьем строил это убежище.

Они сидели в бывшей комнате дежурного, при свете керосиновой лампы, и старик рассказывал.

— Иван, дед твой, начальником ГО в колхозе был. Гражданской обороны, значит. Тогда тоже все боялись — ракеты, Заокеанье, всё такое. По плану велели делать на полтораста. Он сделал на полтораста. А потом ночами, своими силами, со мной да ещё с тремя мужиками — копали дальше. Три года копали.

— Зачем? — спросил Андрей.

Матвей посмотрел на него так, будто ответ был очевиден.

— Говорил: «Начальство наше, Матвей, в случае чего в свои бункера уйдёт. А станицу кто спасать будет? Никто. Значит, сами». Полтораста — это для отчёта. А остальное — для своих.

Петя Лозовой тихо выдохнул. Мишаня отвернулся, потёр глаза кулаком — дым от лампы, наверное.

— Он умер в девяносто восьмом, — продолжал старик. — Перед смертью меня позвал. Говорит: «Матвей, ты за ним присматривай. Не дай растащить. Придёт время — придёт кто-то из моих. Внук, наверное. Он упрямый, в меня». Ну я и присматривал. Двадцать восемь лет. Раз в месяц спускаюсь, проверяю, смазываю. Брезентом вон накрыл, что мог.

— А почему никто не знал? — спросил Витя. — Тут же колхоз был, люди…

— Колхоз развалился, люди разъехались, документы в районе сгорели — пожар был в двухтысячном. А вход в Блок Б мы ещё тогда завалили. Вы сверху зашли, через старый люк. Его тоже не знает никто. Кроме меня. И Шарпейкина.

Андрей поднял голову.

— Шарпейкина?

Старик кивнул и сплюнул в угол.

— Он тогда пацаном был, на тракторе у нас работал. Видел кое-что. Года три назад пришёл ко мне, спрашивал — что там под складом, дед Матвей? Я сказал — ничего, погреб старый, обвалился. Не поверил, по глазам видно было. А на днях снова приходил. Злой. Говорит, скоро продавать «Зарю» будут, ты, дед, если что знаешь — молчи. А то, говорит, всякое бывает со стариками.

— Что ему нужно? — спросил Игорь.

— Не знаю, — сказал Матвей Ильич. — Но в последний месяц кто-то сюда ходил. Не я. Через завал, со стороны балки. Я следы видел — не мои, сапог большой, сорок пятый.

В комнате стало очень тихо.

— Значит, следы, что мы видели… — начал Андрей.

— Половина моя, — сказал старик. — А половина — нет.

Он помолчал, глядя на огонёк лампы.

— Ты, внук, не за подарком пришёл. Я понимаю. Раз ты здесь — значит, опять время подходит. Как тогда, в восемьдесят третьем. Только теперь, видно, по-настоящему.

— По-настоящему, — сказал Андрей.

Матвей Ильич кивнул. Встал, опираясь на двустволку, как на клюку, и протянул ему тяжёлую связку ключей.

— Тогда принимай хозяйство, Волков. Своих не бросаем. Это дед твой так говорил.

Когда остальные поднялись наверх, Андрей остался.

Он шёл по коридорам с фонарём один. Блок А. Блок Б. Блок В. Мимо нар, мимо баков, мимо укрытых брезентом машин. Шаги гулко отдавались от бетона. Пахло сыростью, старым железом и чем-то ещё. Временем, наверное.

В комнате дежурного Матвей Ильич оставил ему на столе толстую тетрадь в коленкоровой обложке. Сказал только: «Дедова. Почитай, когда один будешь».

Андрей сел за стол, поставил фонарь и открыл.

Журнал убежища. Первая запись — март восемьдесят третьего. Почерк деда, крупный, наклонный, с нажимом. Дальше — годы записей. Расчёты. Сколько бетона. Сколько арматуры. Сколько воды нужно на одного человека в сутки. Сколько муки на год. Какие фильтры, какой запас солярки. Схемы вентиляции, нарисованные карандашом от руки.

А на полях — пометки. Короткие, будто дед разговаривал сам с собой.

«Мужики устали. Третью ночь копаем. Матвей молодец, держится».

«Председатель спрашивал, куда цемент уходит. Сказал — на коровник. Поверил».

«Жена ругается. Говорит, я с ума сошёл. Может, и сошёл. Но если не я, то кто?»

«Сегодня закончили Блок Б. Тысяча мест. На всю станицу. Если успеют добежать».

Андрей листал медленно, страницу за страницей. Годы шли. Записи становились короче, почерк неровнее. Восьмидесятые, девяностые. «Проверил фильтры». «Смазал двери». «Матвей заменил прокладки». «Всё в порядке».

Последняя запись была сделана летом девяносто восьмого. Уже совсем другим почерком: дрожащим, слабым, с остановками.

«Был с Андрюхой у склада. Показал ему. Он маленький ещё, не поймёт. Но запомнит. Волковы всё запоминают.

Если ты это читаешь, внук, значит, время пришло. Прости, что не успел рассказать сам.

Тут всё, что нужно. Остальное — люди. Береги их. Своих не бросай.

Дед».

Андрей долго сидел над тетрадью. Фонарь светил на пожелтевшую страницу, на последние слова, выведенные дрожащей рукой.

Наверху, за метрами земли и бетона, начинало светать. А он всё сидел в комнате дежурного, где двадцать восемь лет ждал его старик с двустволкой.

Потом взял ручку. Открыл тетрадь на чистой странице, сразу после дедовой. И написал первую запись. Свою.

«Декабрь 2026 года. Принял хозяйство. Волков А. В.»

Глава 5. Тётя Света

Январь 2027 года.

Встречу Бурлак назначил в самом неподходящем месте — на детском катке в областном центре.

— Здесь всегда шумно, всегда толпа и все смотрят на детей, а не на взрослых, — объяснил он. — Лучше места для разговора не придумаешь.

Андрей взял с собой младшую, Машку. Ей было шесть, и она третий месяц просила на каток. Теперь она неуверенно скользила вдоль бортика, а он стоял у ограждения с термосом и делал вид, что следит только за ней.

Женщина появилась рядом незаметно. Лет сорока пяти, в светлом пуховике и вязаной шапке, с бумажным стаканчиком чая. Обычная мама с катка. Таких здесь было десятка два.

— Ваша? — она кивнула на Машку.

— Моя.

— Хорошо стоит. Смелая.

— В мать, — сказал Андрей.

Женщина отпила чай.

— Алла Ветрова, — сказала она, не поворачивая головы. — Служба дальней разведки. СДР. Олег Петрович говорил, вы хотите знать, что приготовили соседи.

— Хочу.

— Не торопитесь хотеть, — сказала она. — После этого спать перестанете. Я перестала.

Она говорила тихо и ровно, глядя на лёд. Со стороны казалось, что двое родителей болтают о погоде.

— У НАТАШИ и СоюзЕвро тоже есть свой «Исход». Только у них он называется красивее — «Ковчег». Марс, частично Луна. Списки такие же: элита, семьи, обслуга. Народ — за бортом. Тут они от наших ничем не отличаются.

— А в чём отличаются?

Алла помолчала.

— В том, что у них есть совесть. Своя, особенная. Они решили, что оставлять людей умирать от радиации и голода — это бесчеловечно. Негуманно. — Она произнесла это слово так, будто оно было грязным. — Поэтому они решили помочь.

Машка упала, засмеялась и поднялась сама. Андрей помахал ей рукой.

— Почти все телефоны в их блоках — их собственного производства, — продолжала Алла. — Несколько лет назад в них начали ставить новый «модуль безопасности». Официально — для защиты данных. На самом деле — маленький заряд. Очень маленький. Ровно на одного человека.

Андрей медленно повернулся к ней.

— Вы серьёзно?

— В день «Ч» каждому придёт сообщение, — сказала она, всё так же глядя на лёд. — Красивое. «Важное обращение правительства». Человек его откроет. И всё. Быстро, без мучений. Без радиации, без голода, без бунтов. Миллионы людей просто перестанут существовать — в своих квартирах, в метро, в кроватях. Они называют это «Тихий протокол».

У Андрея пересохло во рту.

— А дети?

— У детей тоже есть телефоны, Андрей Викторович. С шести лет.

Он посмотрел на Машку. На её красную шапку с помпоном. На маленький розовый телефон, который они подарили ей на день рождения и который сейчас лежал у неё в кармане комбинезона.

Телефон был сделан не в НАТАШЕ. Он знал это точно. И всё равно почувствовал, как холодеют руки.

— А наши? — спросил он наконец. — Северный человек?

Алла впервые повернулась к нему. Глаза у неё были светлые и очень спокойные.

— А наши ничего не делают, — сказала она. — Совсем ничего. Своих телефонов у нас почти нет, всё чужое — так что «Тихий протокол» нам не по зубам. А на бункеры для народа денег не дали. Наши просто улетят. И оставят людей под бомбами. Без сообщений. Без обращений. Как есть.

Она допила чай и смяла стаканчик.

— Вот и вся разница, Андрей Викторович. Одни убьют своих быстро. Другие — медленно. А наверху и там и там будут сидеть одни и те же люди и делить Марс.

Андрей молчал. На льду играла музыка, кто-то из детей визжал от восторга.

— Почему вы мне это рассказываете? — спросил он.

— Потому что мне некому больше рассказать, — просто ответила Алла. — Двадцать лет я работала там, за линией. У меня там друзья. Настоящие, хорошие люди. Учителя, врачи. Одна подруга — в Заокеанье, у неё трое детей. Я не могу им позвонить и сказать: «Выбрось телефон». Меня возьмут через час. Их — через два.

Она отвела взгляд.

— Но у нас тоже есть люди. Которых никто не предупредит. Олег Петрович сказал, вы собираете своих. Я хочу быть среди своих.

— У вас есть семья?

— Сын. Двенадцать лет. И мать, ей семьдесят.

Андрей кивнул.

— Значит, трое.

Алла посмотрела на него долгим взглядом. Потом впервые за весь разговор улыбнулась — коротко, одними глазами.

— Олег Петрович не ошибся.

Она ушла так же незаметно, как пришла. Растворилась в толпе родителей у выхода.

Машка подкатилась к бортику — раскрасневшаяся, счастливая.

— Пап! Я сама проехала! Целый круг!

— Видел, — сказал Андрей. — Молодец.

Она полезла в карман за телефоном.

— Давай я тебя сфоткаю!

Андрей перехватил её руку. Слишком быстро. Слишком резко. Машка удивлённо подняла глаза.

— Пап?

— Ничего, — сказал он и заставил себя улыбнуться. — Давай лучше я тебя. На свой.

Вечером, когда дети уснули, он долго сидел на кухне и смотрел на розовый телефон, лежащий на столе.

А потом взял отвёртку и разобрал его до последнего винтика.

Внутри ничего не было. Только плата, батарейка и маленькая наклейка с надписью на чужом языке.

И всё равно в ту ночь он так и не заснул.

Алла Ветрова тоже не спала.

Двухкомнатная квартира на девятом этаже, окна на кольцевую. В большой комнате, на раскладном диване, спала мать. В маленькой горел свет: Тимур опять не спал. Сидел на полу среди проводов, маленьких моторчиков и пластиковых лопастей и что-то паял.

— Двенадцатый час, — сказала Алла, остановившись в дверях.

— Мам, пять минут. Я почти. Смотри.

Он поднял с пола что-то маленькое, похожее на паука. Четыре лопасти, плата, крошечная камера. Нажал кнопку на пульте. Паук зажужжал, неуверенно оторвался от пола и завис посреди комнаты, на уровне её глаз.

— Сам собрал, — сказал Тимур. Двенадцать лет, худой, вихрастый, с её глазами и чужим, отцовским, подбородком. — Из старого. С камерой. Видишь? Я тебя вижу.

Алла смотрела на дрон, который висел перед ней и разглядывал её стеклянным глазком. Потом на сына.

— Вижу, — сказала она. — Хорошо получилось. Спать.

Тимур посадил дрон, нехотя полез в кровать. Она выключила свет, постояла в темноте.

— Мам, — сказал он в темноте. — А папа тоже такое умел?

Алла вздохнула.

— Умел, — сказала она. — Спи.

На кухне она поставила чайник и не стала его включать. Села у окна.

Его отец умел многое. Собирать, разбирать, чинить, молчать. Они познакомились в учебном центре, двадцать два года назад. Два молодых офицера, которых готовили к работе за линией. Под чужими именами, в чужих странах, на годы.

Он погиб, когда Тимуру было два. Где-то далеко, в стране, название которой она так и не имеет права произнести. Ей сообщили через неделю. Тело не вернули. Медаль привезли в коробочке. Коробочка лежала в шкафу, за бельём. Тимур не знал.

А она осталась там. Ещё на восемь лет. Под другим именем. Тимур рос у бабушки, и мать видела его два раза в год, в короткие отпуска.

Светлана.

Так её звали по документам в Заокеанье. Светлана Маркес, переводчица, вдова, приехала из бедной восточной страны искать лучшей жизни. Снимала квартиру в спальном районе, работала в бюро переводов, по выходным пекла пироги. И дружила с соседкой.

Мэгги. Мэгги Холт. Медсестра, рыжая, громкая, мать троих детей, без мужа. Она первая постучала в дверь новой соседки с тарелкой печенья. И через месяц они уже пили вместе вино по пятницам, а через полгода Алла сидела с её детьми, когда у Мэгги были ночные смены.

Дети звали её тётя Света. По-русски, смешно, с ужасным акцентом. Она научила их этим словам сама. Старший, Джейк, выговаривал «тётья Свьета», младшая, Лили, — просто «Тьета».

Алла закрыла глаза.

Она ушла от них два года назад, когда её отозвали. Сказала Мэгги, что возвращается на родину ухаживать за больной матерью. Это была почти правда. Мэгги плакала в аэропорту. Дети висели на ней втроём.

С тех пор они переписывались. Открытки на Рождество, фотографии детей. Джейк уже в колледже. Лили — в старшей школе, хочет стать врачом, как мама. Средний, Сэм, собирает модели самолётов.

У всех троих телефоны. Местные. С тем самым модулем.

Она знала про «Тихий протокол» лучше, чем кто-либо.

Потому что это она его нашла.

Четыре года назад. Через старый канал, через человека, которому десять лет назад спасла жизнь. Двести страниц технической документации. Схемы модуля. Список производителей. Дата, когда в обновлении прошивки должна прийти команда активации.

Она несла эту папку наверх, как несут ребёнка из горящего дома. Думала: сейчас. Сейчас наши узнают, и что-то произойдёт. Предупредят. Расскажут миру. Остановят.

Папка ушла наверх. Через месяц вернулась, с отметкой о получении. И с пометкой на полях первой страницы, сделанной чужой рукой, крупным уверенным почерком:

«Принято к сведению. Население не информировать».

Алла тогда долго смотрела на эту строчку. Потом спустилась в туалет управления, заперлась в кабинке и впервые за двадцать лет службы заплакала. Тихо, кусая кулак, чтобы никто не услышал.

Они знали. Наверху знали всё. Про соседей, про протокол, про миллионы людей с телефонами в карманах. И решили: не наше дело. Пусть. У нас свой «Исход».

С того дня Алла перестала спать.

— Опять сидишь.

Мать стояла в дверях кухни. Маленькая, сгорбленная, в старом байковом халате.

— Сижу, мам.

Мать подошла, включила чайник, который Алла так и не включила. Достала две чашки.

— Ты с работы пришла другая, — сказала она. — Как в тот раз, когда Серёжи не стало.

Алла вздрогнула.

— Мам…

— Я не спрашиваю, — сказала мать. — Я сорок лет жена офицера и мать офицера. Я не спрашиваю. Я просто вижу.

Она налила чай, поставила перед дочерью.

— Ты кого-то нашла сегодня, — сказала она. — Я по глазам вижу. Кого-то хорошего.

Алла смотрела на неё и не знала, что сказать. Потом вспомнила мужика у бортика катка. Его термос. Его дочку в красной шапке. Его взгляд, когда он сказал: «Значит, трое».

Не «зачем мне это». Не «что я с этого получу». Просто: трое.

— Нашла, мам, — сказала Алла.

Мать кивнула и погладила её по голове, как маленькую.

Когда она ушла, Алла достала из сумки старую открытку. Последнюю, рождественскую, от Мэгги. Трое детей у ёлки, в одинаковых красных свитерах. И внизу, почерком Лили, по-русски, с ошибками:

«ТЬОТЯ СВЕТА МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ».

Алла не могла отвести от неё глаз.

Она не могла их спасти. Никого из них. Ни Мэгги, ни Джейка, ни Сэма, ни Лили.

Но где-то на Кубани был бункер. И мужик, который сказал «трое».

Значит, хоть кого-то можно.

Глава 6. Камышинск

Апрель 2027 года.

Первым колонну увидел дед Матвей.

Он пришёл на «Зарю» рано утром, когда Мишаня ещё возился с первыми телятами в отремонтированном коровнике, и сказал, опираясь на палку:

— Там, за рекой, техника идёт. Много. С ночи гудит.

К обеду гудело уже так, что дрожали стёкла. Андрей приехал после рейса, не переодеваясь, и вместе с Мишаней поднялся на старую водонапорную башню на краю колхоза.

Степь за рекой, ещё неделю назад пустая и рыжая от прошлогодней травы, ожила. По грунтовке ползли тягачи с вагончиками. Экскаваторы рыли траншеи. Бульдозеры ровняли площадки. Вдоль горизонта уже тянулся первый ряд бетонных столбов под забор — километр, два, три, конца не видно.

— Всё, — тихо сказал Мишаня. — Приплыли. Раскрыли нас, Андрюха.

Андрей не ответил. Он смотрел на стройку и считал машины. Тридцать. Сорок. Пятьдесят. Слишком много, чтобы приехать за пятерыми мужиками и стариком.

— Если бы за нами, — сказал он наконец, — пришли бы ночью и тихо. А это… это кто-то строит. И надолго.

Через три дня Бурлак привёз ответ. Они сидели в бункере, в бывшей комнате дежурного, где теперь стоял стол, генератор и чайник.

— Полигон, — сказал Бурлак и положил на стол тонкую папку. — Официально — «Межвидовой учебный центр Камышинск». Двадцать тысяч гектаров. Десантники, спецназ, войска беспилотных систем, роботизированная техника. И ещё — пункт управления космических войск: антенны, спутниковая связь, слежение за орбитой. Готовят людей для фронта в Пограничной республике. Через год там будет стоять несколько тысяч человек. Постоянно.

Мишаня присвистнул.

— Тысячи. В двадцати километрах от нас.

— Это плохо? — спросил Витя Кайдаш.

— Это, — медленно сказал Игорь Сомов, — может быть лучшее, что с нами случалось.

Все посмотрели на него.

— Подумайте, — Игорь говорил редко, но всегда по делу. — Нам нужны люди. Бойцы. Обученные, с оружием. Где мы их возьмём? Притащим сюда сотню спецназовцев — вся станица зашумит. А тут они сами приезжают. Легально. С техникой, с дронами, со складами. Со спутниковой связью, в конце концов, — когда всё рухнет, это будут единственные глаза и уши на сотни километров. Мимо нас каждый день будут ездить колонны, и ни один человек не спросит, почему.

— А в час «Ч», — подхватил Андрей, — двадцать километров до бункера. Час марша. Полчаса на машинах.

Мишаня медленно расплылся в улыбке.

— У меня там половина знакомых будет. Я в десантуре всех знаю. Кого не знаю — те знают меня.

Бурлак единственный не улыбался.

— Есть одна странность, — сказал он и открыл папку. — Я поднял документы. Решение о полигоне приняли за две недели. Так не бывает. Обычно на такое уходят годы: согласования, экспертизы, бюджеты. А тут — раз, и всё подписано. Место выбрано сверху. Не военными, не министерством. Выше.

— Кем? — спросил Андрей.

— Не знаю, — Бурлак постучал пальцем по последней странице. — Подпись закрыта грифом. Такой допуск, что даже мне туда не заглянуть. Таких людей в стране — пара десятков.

В комнате стало тихо. Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Пара десятков, — повторил он. — Как с моей фамилией в списке.

Бурлак кивнул.

— Я тоже об этом подумал.

— Может, совпадение, — неуверенно сказал Петя Лозовой.

— Двадцать восемь лет в ССБ, — сказал Бурлак, закрывая папку. — Я ни разу не видел совпадения, которое было бы просто совпадением.

Через месяц Витя Кайдаш устроился на полигон. Официально: инженер-сметчик субподрядной фирмы, которая строила там подземные укрытия «для учений по защите личного состава».

Фирму за неделю нашёл Бурлак. Витю взяли без вопросов: опытный, военный, с допусками, да ещё и согласился на зарплату вдвое меньше рыночной.

— Зачем тебе это? — спросил Андрей. — Ты и так днём на «Заре», ночью под землёй.

— Затем, — сказал Витя, — что эти укрытия будут строить в любом случае. По проекту — на тысячу двести человек, с вентиляцией на сутки, с водой на трое. Для галочки. А мне нужно, чтобы там восемь тысяч могли жить годами.

— И как ты это сделаешь?

Витя усмехнулся.

— Сметами, Андрюха. Ты не представляешь, что можно сделать сметами.

В сентябре на полигон приехала комиссия из округа. Принимать первую очередь укрытий.

Председатель комиссии, грузный подполковник с папкой под мышкой, долго ходил по бетонным галереям и хмурился.

— Что-то у вас тут… размах, — сказал он наконец. — По проекту галерея на сто метров. А тут сколько?

— Триста сорок, — сказал Витя. — Грунт оказался слабый, товарищ подполковник. Пришлось уходить глубже и шире, чтобы опоры встали. Вот акт геологов. Вот перерасчёт. Вот согласование.

Подполковник полистал бумаги. Акт геологов был настоящий. Перерасчёт — тоже. Подписи на согласовании стояли такие, что задавать вопросы не хотелось.

— А это что? — Он ткнул пальцем в огромные цистерны в боковой нише.

— Резервуары противопожарного запаса воды. По новым нормам.

— Каким новым нормам?

— Вот, — Витя протянул ещё одну бумагу. — Приказ прошлого года. Пункт четырнадцать.

Подполковник прочитал пункт четырнадцать. Потом пункт пятнадцать. Потом снял фуражку и вытер лоб.

— Ладно, — сказал он. — Деньги не мои. Подписываю.

Когда комиссия уехала, Витя вышел из галереи на солнце, сел на бетонный блок и закурил. Первый раз за пять лет.

Приказа прошлого года, пункт четырнадцать, не существовало до позавчерашнего вечера. Бурлак привёз его в конверте вместе с бутылкой коньяка и словами: «Только больше так не делай. Седеть некуда».

На полигоне строили по три смены. Витя переписывал сметы по ночам. Галереи удлинялись. Фильтровентиляционные установки «по ошибке поставщика» приходили втрое мощнее заказанных. Склады «временного хранения стройматериалов» почему-то обшивали герметичными дверями.

Однажды молодой прораб, парень лет двадцати пяти, остановил Витю в галерее.

— Виктор Палыч. Я тут посчитал, — сказал он тихо. — Это не на учения. Тут жить можно. Долго. Тысячам людей.

Витя посмотрел на него в упор. Парень не отвёл глаз.

— У тебя семья есть? — спросил Витя.

— Жена. Дочке год.

— Где живут?

— Здесь, в военном городке.

Витя кивнул.

— Тогда считай дальше, — сказал он. — Только молча. И если кто спросит — грунт слабый.

Вечером Андрей снова поднялся на башню.

За рекой горели прожектора. Стройка не останавливалась даже ночью. Где-то там, в степи, рождался огромный военный город — с казармами, ангарами, стрельбищами, взлётками для дронов.

И кто-то, кого он не знал, поставил этот город ровно в двадцати километрах от его бункера.

— Кто ты? — тихо спросил Андрей у темноты.

Степь не ответила. Только над полигоном, мигая красным огоньком, медленно прошёл первый беспилотник.

Ваня узнал про полигон раньше, чем ему рассказали.

Летом Андрей взял его с собой в Ляпинск на неделю. Ваня целыми днями пропадал на речке с новыми станичными друзьями. А однажды пропал до вечера. Ольга обзвонила всех. Андрей уже собирался ехать искать, когда сын явился сам. Грязный, исцарапанный, со счастливыми глазами.

— Пап, там за рекой дроны! — выпалил он с порога. — Настоящие! Сотни! Они строем летают!

Оказалось, он с пацанами переплыл реку, прошёл по балке пять километров и залёг у забора полигона. И пролежал там полдня, глядя, как над степью гоняют беспилотники.

— Тебя же могли подстрелить, — сказал Андрей.

— Не, — уверенно сказал Ваня. — Там тётенька была. В форме. Она нас увидела, подошла к забору. Сначала ругалась. А потом пустила к себе на вышку посмотреть. Показала, как пульт работает. Дала мне один подержать! Пап, я им управлял! Сам!

Андрей посмотрел на Ольгу. Ольга посмотрела на него.

— Как её звали, тётеньку? — спросил Андрей.

— Лена, — сказал Ваня. — Сержант. Она сказала, у неё племянник в Краснодаре живёт, чуть младше меня, тоже дроны любит. И что если я хорошо учиться буду, то потом тоже смогу в операторы. Пап, можно я в операторы?

Андрей долго смотрел на сына. На его исцарапанные руки, на мокрые от речки волосы. Четырнадцать лет. Мальчишка, который хочет управлять дронами.

Через три года он будет хотеть совсем другого. Выжить.

— Сначала школу закончи, — сказал Андрей. — Потом посмотрим.

Ваня надулся. А ночью, когда все спали, Андрей вышел на крыльцо и до утра смотрел за реку, туда, где над полигоном мигали красные огоньки.

Где-то там сидела сержант Лена, у которой в Краснодаре жила сестра с племянником.

А в серой папке, которую он когда-то сфотографировал, не было ни Лены, ни её сестры, ни племянника.

Он подумал, что надо будет сказать Мишане про эту Лену. Чтобы, когда придёт время, её предупредили первой.

Глава 7. Ольга

Июнь 2027 года.

Ольга всё поняла раньше, чем он решился сказать.

Жёны военных вообще понимают многое раньше. Она видела, что он перестал спать. Что разобрал телефон Машки и собрал обратно. Что по выходным уезжает «помогать Мишане с фермой» и возвращается с землёй под ногтями и глазами человека, который копал не грядки. Видела — и молчала. Ждала.

В тот вечер дети уснули рано. Ваня, старший, четырнадцать лет, — после тренировки. Саша и Даша — после ссоры из-за планшета. Машка — с розовым телефоном под подушкой.

Ольга налила чай, села напротив и сказала просто:

— Андрей. Либо ты мне рассказываешь, либо я решу, что у тебя другая женщина. Выбирай.

Он засмеялся — впервые за полгода по-настоящему. А потом рассказал. Всё.

Она слушала молча, не перебивая. Про рейс. Про папку. Про списки. Про «Ч». Про бункер деда и Матвея Ильича. Про Бурлака на заправке и Аллу на катке. Про «Тихий протокол».

Когда он дошёл до телефона Машки, Ольга встала, подошла к окну и долго стояла спиной к нему.

— Четыре года, — сказала она наконец. Не спросила — сказала.

— Меньше. Около трёх.

— Мама, — сказала она. — Папа. Твои родители. Сестра моя с детьми.

— Все, — сказал Андрей. — Все, за кого можем поручиться.

Она обернулась. Глаза сухие. Учительница младших классов, двенадцать лет стажа, — Ольга умела не плакать при детях. И сейчас не плакала.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда слушай. Вы там, мужики, наверняка уже всё посчитали: патроны, генераторы, тушёнку. А про школу подумали?

Андрей моргнул.

— Про… школу?

— Про школу, — повторила Ольга. — Детей там будет сколько? Двести? Триста? Они там будут сидеть годами. Кто их будет учить? Читать, писать, считать? Физике, химии? Вы хотите вырастить новую страну — а кто её будет строить, когда вы состаритесь? Неграмотные дикари?

Он молчал.

— Учебники, — она начала загибать пальцы. — Бумажные. Все, с первого по одиннадцатый класс. Энциклопедии. Справочники — медицина, агрономия, механика. Интернета не будет, Андрей. Ничего не будет. Только то, что вы туда принесёте на бумаге.

— Ты права, — тихо сказал он.

— Я знаю, — ответила Ольга. И впервые за вечер улыбнулась. — Поэтому школа — моя. Не спорь.

Он и не собирался спорить.

— И ещё, — сказала Ольга. Она вдруг отвела глаза, первый раз за весь вечер. — Я должна тебе кое-что сказать.

Она встала, вышла из кухни. Вернулась через минуту. В руке у неё был сложенный вчетверо тетрадный лист. Чуть помятый, со следами блёсток по краям.

Андрей узнал его сразу.

— Тридцать первого декабря, — сказала Ольга. — Я доставала игрушки. Космонавта. Он у меня с шести лет, я его каждый год первым вешаю. А под ним…

Она положила лист на стол.

— Я прочитала. Всё. Про папку. Про фамилию. Про то, что делать, если ты не вернёшься. — Голос у неё был ровный, но пальцы, лежавшие на листе, чуть подрагивали. — Потом сложила обратно и положила под космонавта. И повесила его на ёлку. И весь Новый год улыбалась. Ты помнишь, как Машка танцевала под куранты?

Он помнил.

— Полгода, Оля, — сказал он хрипло. — Ты полгода знала и молчала?

— А ты полгода знал и молчал, — сказала она. — Я ждала. Хотела, чтобы ты сам. Не потому что я нашла. А потому что ты решил, что я должна знать.

Она вздохнула.

— Знаешь, что было самым страшным? Не папка. Не ракеты. Последняя строчка. «Если я не вернусь, не верь, что это несчастный случай. И уезжай с детьми к Мишане на хутор. Он знает». — Она подняла на него глаза. — Ты написал мне инструкцию на случай своей смерти. И положил её под ёлочную игрушку.

— Больше некуда было.

— Я знаю, — сказала Ольга. И вдруг засмеялась, коротко, со слезами. — Господи, Андрей. Пятнадцать лет вместе. А ты так и не понял, что я каждый раз, когда ты улетаешь, мысленно пишу такое же письмо. Только тебе.

Он взял её руку. Она не отняла.

Лист с блёстками по краям они сожгли вместе, в раковине, над конфоркой. Больше он был не нужен.

Переезжали постепенно, чтобы никто ничего не заподозрил.

Первыми — родители Андрея. Отец, Виктор Иванович, отставной прапорщик, давно хотел «назад, к корням», в дедовскую станицу. Мать радовалась саду. Соседям сказали — на пенсию, на свежий воздух.

Потом — семья Мишани. Потом — Вити Кайдаша. Потом — Петя Лозовой «открыл в Ляпинске фельдшерский пункт», и в станице на него молились: врача здесь не было десять лет.

Ляпинск оживал. На «Заре» мычали коровы. В клубе Ольга по субботам устроила кружок для детей. Ремонтировали дома, крыли крыши, чистили колодцы. Старики говорили — давно такого не было, будто молодость вернулась.

И никто не замечал, что под старым зерноскладом каждую ночь горит свет.

Книги Ольга собирала два года.

По одной, по десять, по сто. В букинистических магазинах, на развалах, на сайтах, где люди отдавали старые учебники даром, лишь бы забрали. Учебники с первого по одиннадцатый класс, в трёх экземплярах. Энциклопедии. Справочник фельдшера. «Агрономия для всех». «Ремонт сельхозтехники». Атласы звёздного неба. Сказки. Много сказок.

В марте она приехала в районную библиотеку, которую закрывали. Здание продали под магазин, книги велели списать.

Библиотекарша, Анна Григорьевна, маленькая седая женщина в вязаной кофте, сорок лет проработавшая среди этих полок, сидела за своим столом и плакала. Тихо, некрасиво, не стесняясь.

— Их же в макулатуру, — сказала она. — Всё. Пушкина, Толстого, детские. Двадцать тысяч томов. Я каждую сама на полку ставила.

Ольга долго стояла среди стеллажей. Пахло пылью, старой бумагой и клеем.

— Анна Григорьевна, — сказала она. — А если я заберу?

— Куда? Все?

— Сколько смогу. Детские. Учебные. Справочники. Классику.

Библиотекарша посмотрела на неё поверх очков. Внимательно, с прищуром.

— Зачем вам столько, деточка?

Ольга не могла сказать правду. И не хотела врать этой женщине.

— Для детей, — сказала она. — Которым однажды больше негде будет их взять.

Анна Григорьевна что-то поняла. Может, не всё. Но что-то. Она встала, сняла с вешалки старое пальто и сказала:

— Пойдёмте. Я покажу, где самое ценное. Сама. А то вы всё перепутаете.

Книги вывозили три выходных подряд, на грузовике «Возрождения». Мишаня ворчал, что у него ферма, а не книжный склад. Потом сам таскал коробки и украдкой листал «Трёх мушкетёров».

Через месяц Анна Григорьевна переехала в Ляпинск. Сняла комнату у бабушки Петренко. Сказала, что всю жизнь мечтала жить в станице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.